

Домик Каширина

80 лет со дня открытия бытового музея детства писателя А. М. Горького

Один из красивейших городов России Нижний Новгород невозможно представить без Алексея Максимовича Горького. Жители помнят великого писателя, чут память о нём. И сегодня мы побываем в музее детства писателя «Домике Каширина», которому исполняется 80 лет со дня открытия.

Музей «Домик Каширина» был открыт 1 января 1938 года в доме, принадлежащем ранее дедушке писателя – нижегородскому мещанину, старшине красильного цеха, гласному городской думы Нижнего Новгорода, Василию Васильевичу Каширину.

Под окнами домика – палисад. Он устроен хозяевами не для украшения улицы, а для того, чтобы злые соседи не заглядывали в окна. В палисаднике, будто вырвавшись из-под домика и поднявшись над ним к солнцу, растёт ветвистый клен.

Войдем во двор как бы вместе с приехавшими из Астрахани Алешей, его матерью, бабушкой и осмотрим его. Двор домика Кашириных небольшой, окружён высоким досчатым забором с гвоздями поверху «против воров». К забору приставлен огромный дубовый крест. Он напоминает о печальных событиях в семье Кашириных. Таким крестом был задавлен насмерть приёмный сын Кашириных – работящий, добрый, весёлый Ваня – Цыганок.

Прямо против ворот, в углу, наполовину крытая в землю стояла каменная красильня. Здесь круглый год кипела работа под руководством старого мастера Григория. Красильня обеспечивала безбедное существование многочисленной семье Кашириных. Крестьяне приносили в окраску дмотканые холсты, пряжу. Нередко Василий Васильевич Каширин находил и крупные заказы – подживлял купцам выгоревшие на солнце товары. В красильне работали сами Каширины, мастер Григорий, Цыганок и работники, нанимаемые на время больших заказов.

Рядом с красильней был навес – сушилка, но летом она бездействовала, потому что окрашенное развешивалось во дворе, на солнышке. За сушилкой стоял каретник, а в нем любимец бабушки – конь Шарап, на котором Каширины с Благовещенской площади и с Гремачего ключа возили воду. Когда в красильне случился пожар, бабушка спасла Шарапа.

Войдем в сени – узкое, холодное помещение, с одним окном во двор. В углу на стене висели банные веники и корыта. На полках чередой стояли глиняные корчаги, деревянные опарицы, ведра. На гвоздях висели коромысла, бурлацкие сумка, лямка и пучки лекарственных трав: чистотел, подорожник, бессмертник и другие.

Из сеней спускалась крутая лестница в подклеть.

Подклеть или «черная» рабочая изба – полуподвальное помещение с окнами на уровне земли, но достаточно просторное, с русской печью, нарами, рассчитанными на несколько человек, с широкими лавками у стены под окнами, с глиняной да медной утварью в стряпном углу. Ко времени приезда Пешковых из Астрахани рабочие были переведены на кухню. В подклети поселилась Варвара Васильевна, мать маленького Алеши Пешкова (А. М. Горького). Все остальное семейство Кашириных располагалось в верхней части дома, куда вел другой вход со двора через сени.

На кухне проходила почти вся жизнь Кашириных, здесь встречали и горе, и радость. Устроенная по старинному, кухня напоминала деревенскую избу с большой русской печью, некрашеным полом из широких половиц, низкими полатями, служившими для хранения постели, широкими деревянными лавками вместо стульев вдоль стен.

Слева от входа, рядом с печью – стряпной угол или «бабий» кут. Здесь на кухонном столе и полках миски – глиняная, медная, деревянная посуда. У порога – кадка с водой, из – под печки, где жила бабушкин «домовик» – родовик, торчат ухваты, кочерги, лопата подсадная и лучина на растопку. В полу прорезан лаз в подполье – западня, а рядом стоит лохань с прутьями для порки ребят. Над лоханью – медный рукомойник в виде чайника.

В красном углу – иконница, темные лики святых с лампадкой, горевшей только по праздникам. Перед иконами – обеденный стол, а над ним висит керосиновая лампа, но ее не зажигали – керосин был дорог, – помещение освещалось сальными свечами в железных кованых подсвечниках.

В доме Кашириных обедали по-старинному. За стол садились по старшинству: сначала дед, потом сыновья, работники. Женщины и дети столновались отдельно.

Еда подавалась обычная: щи, жареное мясо, каша, пшенички и картофельники с молоком. Пирогги пекли только по праздникам.

Шестиструнная гитара на стене напоминает о тех редких минутах веселья, что разгорались иногда на кухне с обильной едой и питьем. Дядя Яков, запевав свои тоскливые песни, играл. Самозабвенно плясал Цыганок, а иногда сама бабушка вступала в круг, но она не плясала, а словно рассказывала что-то людям своими движениями. В такие минуты вся она становилась стройной, выше ростом, и уж нельзя было

